

Мишель Анри

РАЗВОД

Идеальный сценарий

Сделано в

FLYV

Мишель Анри

Развод. Идеальный сценарий

<https://litres.ru/74360754>

Аннотация

Надя выстроила безупречную жизнь: карьера, шикарный пентхаус и муж-хирург Даниил, предмет зависти всех подруг. Но трещины в зеркале семейного счастья появляются там, где их не ждут: странные чеки, отдалённый взгляд мужа, ядовитые намёки его властной матери. Сомнения превращаются в ужас, когда Надя обнаруживает, что Даниил не просто изменяет. Он собирает «досье», чтобы, объявив её невменяемой, вышвырнуть из общего дома без гроша.

Роман о том, как далеко может зайти любовь, превратившись в ненависть, и какую цену приходится платить за право стать автором своей жизни, а не героиней чужого сценария.

Содержание

Глава 1: Идеальный фасад	4
Глава 2: Ядовитые иголки	11
Глава 3: Первая трещина	16
Глава 4: Газлайтинг	22
Глава 5: Сомнение	27
Глава 6: Ужин с монстром	32
Глава 7: Призрак прошлого	39
Глава 8: Точка невозврата	45
Глава 9: Тень гостиницы «Метрополь»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1: Идеальный фасад

Пролог

Я стояла внизу, в холодном мраморном холле нашего слишком большого дома, и мои пальцы судорожно сжимали его телефон. Экран пылал в ладони, как раскаленный уголь. Это было новое фото – Катя, его ассистентка, с ее смешливыми глазами и идеально уложенными волосами, которые теперь растрепаны... на его подушке. И лицо, она смотрела прямо в объектив с таким торжествующим, интимным взглядом, что у меня перехватило дыхание. Не тайная любовница из какого-то далекого, отвлеченного мира. Нет. Она жила там же, где и он. Дышала тем же офисным воздухом, касалась тех же бумаг, улыбалась ему через стол на совещаниях, где я, Надя, была лишь «его женой», упоминанием в разговоре.

Это был не просто удар. Это было осознание целого пласта лжи, в котором я тонула, даже не подозревая. Воздух вокруг стал густым и липким, как сироп. Мне нужно было... мне нужно было двигаться. Ноги, словно сделанные из чугуна, понесли меня по лестнице на второй этаж. Каждая ступенька отдавалась глухим стуком в висках. Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди, и с каждым шагом в груди нарастала давящая, леденящая боль.

Я уже почти подбежала к его кабинету, когда услышала

голоса, приглушенные, но отчетливые. Шелковый, ядовитый контрольто — Тамара Петровна, его мама, архитектор всего в его жизни и в моей, как выяснилось.

Я замерла у двери, став невидимкой, сгустком боли и ужаса.

«...после заключения доктора Зайцева о её нестабильности и свидетельских показаниях о её изменах, она ничего не получит. Особенно, если «свидетель» будет неподкупен».

Слова вонзились в мозг, как ледяные иглы. Доктор Зайцев? Мой терапевт, которому я доверяла свои слезы и страхи? Свидетельства об изменах? От кого? Сергей? Мой давний друг, почти как брат? О Боже... Нет. Это невозможно. Это же...

И тогда ответил голос Даниила, моего мужа, тот самый, что час назад целовал меня в лоб, говоря «не скучай» теперь он звучал спокойно, деловито, холодно.

«Сергей сделает всё, что я скажу. У меня есть на него рычаги».

В этих словах не было ни капли сожаления. Ни тени сомнения. Только чистый, отточенный расчет. Они не просто предавали меня, они стирали мою жизнь, меня, собирались превратить в сумасшедшую, распутную истеричку в глазах суда и всего нашего мира. Они выстраивали стены из лжи, чтобы запереть меня в аду, из которого не было выхода, и при этом еще и обобратить до нитки.

Весь мир вдруг рухнул, обнажив страшную, уродливую

изнанку. Тот дом, который я считала своим, оказался клеткой. Человек, которого я любила, — тюремщиком. А будущее, которое мерещилось мне впереди, — холодной, смертельной пропастью.

Ледяной ужас.

Он не просто сковал меня — он выжег все внутри. Оставил только пустоту, звон в ушах и леденящее, абсолютное понимание: я здесь одна. И эта битва, о которой я даже не подозревала, уже идет. И они планируют меня уничтожить.

Глава 1

Звук хрустальных бокалов, слившийся в унисонный звон, на секунду заглушил даже музыку в моей голове. Я стояла в тени тяжёлой портьеры и смотрела, как двести человек в едином порыве поднимаются со своих мест. Свет хрустальной люстры дробился на тысячу радужных зайчиков и падал прямо на них — на новую идеальную пару. Невеста плакала, жемчуга на её платье мерцали в такт рыданиям. Жених, сжимая её руки, произносил слова о вечности.

Меня чуть не вырвало.

Не от шампанского — я не притрагивалась к алкоголю весь вечер. Даже не от запаха двухсот букетов, смешавшихся в один удушающий сладкий фон. А от этой липкой, медовой интонации в его голосе. От этого сытого блеска в глазах гостей. От всей этой фальшивой, безупречно поставленной мной же сказки.

— Первый тост через три минуты, шампанское на подно-

сах, Марк, проверь температуру в зале, — мой собственный голос прозвучал в рации тихо и бесцветно.

Отклик пришёл мгновенно:

— Всё под контролем.

Всё, как я и планировала всю подготовку этой свадьбы. Контроль — единственное, что не давало мне развалиться на части прямо здесь, на паркете стоимостью годовой аренды моей первой квартиры.

Я отвернулась от сияющей пары. В огромном зеркале в позолоченной раме поймала своё отражение: строгая женщина в тёмно-синем костюме, безупречный пучок, лицо — профессиональная маска спокойствия. Только глаза выдали. Они смотрели пусто и устало, будто видели этот спектакль уже в тысячный раз. Что, в общем-то, было правдой.

Пять лет назад я сама стояла под таким же светом. И слушала такие же клятвы. Их произносил Даниил. И тогда его голос звучал... иначе. Или мне просто очень хотелось в это верить?

Вечер тек, как отлаженный механизм. Речи, смех, первый танец под надрывную скрипку. Я двигалась по периметру, решая проблемы, которые даже не успевали стать проблемами. У бабушки жениха головокружение — вот стул, вот вода. Пятно на фраке — вот волшебный спрей. Я была тенью, призраком, создающим для других иллюзию безупречного праздника.

Ровно в десять, как и было прописано в смете, в небе над

усадебой взорвались белые пионы из огня. Все ахнули и повалили на террасу. Я осталась в опустевшем зал. Тишина, разрушаемая лишь потрескиванием свечей, навалилась на плечи тяжёлым, бархатным покрывалом. Я подошла к столу с подарками. Среди горы коробок наша карточка — *От семьи Старцевых* — сбивалась с общего строя своей холодной лаконичностью. И цифрой, от которой у нормального человека перехватило бы дыхание. Семья. Звучало как название фирмы.

В кармане жакета завибрировал телефон. Даниил.

“Задерживаюсь. Сложная операция. Не жди к ужину. Привезу сюрприз. Целую.”

Я прочитала, выдохнула и заблокировала экран. «Сложная операция». В последнее время они учащались. «Сюрприз». Раньше это слово заставляло сердце биться чаще. Теперь — лишь лёгкую настороженность. Сюрприз — это всегда нечто неподконтрольное. А я за пять лет научилась ценить только контроль.

Когда разъехался последний лимузин, я скинула каблуки и босиком прошла по холодному мрамору к своей машине. Город в предрассветной дымке был пуст и безразличен. Как и я.

Ключ повернулся в замке бесшумно. В прихожей горел свет. Даниил сидел в моём любимом кресле у панорамного окна, за которым Москва-река медленно серела перед

рассветом. На столике перед ним лежала длинная коробка, обёрнутая в шелковистую бумагу цвета морской волны.

— Я же писала, не жди, — мой голос прозвучал сипло от усталости и ночного воздуха.

— Не мог. Ждал твоей реакции, — он обернулся. Даже в четыре утра, в простых тренировочных штанах и футболке, он выглядел так, будто только что сошёл со съёмочной площадки. Его улыбка была идеальной, отточенной. — Идёт тебе эта бледность. Добавляет драматизма.

Он протянул коробку. Я развернула бумагу. В чёрном бархатном футляре лежали часы. Те самые, которые я месяц назад мельком показала в журнале, пробормотав: «Смелый дизайн». Они стоили как моя первая машина.

— Спасибо, — сказала я и тут же поймала себя на мысли, что прозвучало это не как благодарность, а как констатация. Как «получено».

— Для моей королевы — только лучшее, — он подошёл, взял мой подбородок пальцами. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по моему лицу. — Но цвет лица надо подкорректировать. Съездим на море. И, знаешь... скулам не хватает чуть большего объёма. Я как раз осваиваю новую технику, очень деликатную.

Он говорил это так же легко, как я час назад обсуждала с флористом оттенки пионов. Он не видел жену. Он видел объект. Вечный, требующий доработок проект под названием «Надежда Старцева».

Он поцеловал меня. Его поцелуй был влажным, техничным, лишённым того хаотичного тепла, что был в самом начале. Когда он отпустил меня, в его глазах я прочитала не страсть. А удовлетворение мастера, любующегося удачно проведённой процедурой.

— Иди спать, дорогая. У тебя завтра, наверное, снова адский день, — он потрепал меня по волосам, как собаку, и направился в кабинет, уже уткнувшись в телефон.

Я осталась стоять посреди нашей безупречной гостиной, со смелыми геометрическими часами в дрожащей руке. Тишина пентхауса, такого огромного и пустого, давила на барабанные перепонки. Я подошла к окну, к тому месту, где только что сидел он, и прижалась лбом к ледяному стеклу.

Внизу текла чёрная, безразличная река. Идеальный фасад моего мира. И за ним — тишина, от которой тошнило куда сильнее, чем от всех свадебных клятв на свете

Глава 2: Ядовитые иголки

Встреча с Викой была назначена на семь вечера в новом паназиатском ресторане с репутацией «места, где всё ещё можно увидеть людей». Вика обожала такие места — не из-за еды, а из-за фона. Её блог о «жизни в кайф в кадре» требовал постоянной, слегка похабной эстетики успеха.

Я пришла на десять минут раньше, надеясь выпить сангрию в одиночестве и прийти в себя после вчерашнего. Не вышло. Вика уже сидела за столиком у самой витрины, щедро залитой светом софитов, и снимала сторис. На ней был ярко-розовый пиджак, из-под которого виднелось чёрное кружево, и дерзкие серьги-кисточки. Рядом на стуле покоилась сумочка, чья стоимость равнялась месячной зарплате лучшего менеджера.

— Надюш! — её голос, звонкий и чуть гнусавый, пролетел над приглушёнными разговорами зала. Она помахала рукой, демонстрируя свежий маникюр фуксиевого цвета. — Сюда! Я уже взяла тебе мохито, знаю, что ты после вчерашнего как выжатый лимон.

Я подошла, натянув на лицо улыбку. Поцеловались в щёки, пахнущие её дорогим, удушающим парфюмом с нотами жасмина и кожи.

— Ты выглядишь... профессионально, — оценивающе оглядела она мой бежевый твидовый костюм. — Как дирек-

тор элитного морга. Расслабься, мы же не на переговорах.

— У меня после «морга» ещё две встречи, — парировала я, садясь.

— Всегда дела, дела, — вздохнула Вика, тут же хватая телефон, чтобы снять тартар из тунца, который только что принёс официант. — Без этого, конечно, никак. Но Даня-то тебя содержит? Зачем пахать как ломовая лошадь? Хотя... — она прищурилась, делая кадр сверху, — может, он и не содержит? А ты скромничаешь?

Яд был подан изящно, с улыбкой. Классическая Вика.

— Я сама себя содержу, Вик. Это приятно. Даниил, конечно, помогает, но...

— Но квартиру он купил, — тут же вставила она, откладывая телефон. — Пентхаус с видом. Машину тебе последнюю он же подарил? Часы вчера, кстати, видела в сторис у Риты, они безумные! Так что, можно и расслабиться. Зажить наконец для себя. Или... для продолжения рода.

Она произнесла это последнее словосочетание с такой сладкой, театральной интонацией, что у меня по спине пробежали мурашки. Я взяла бокал с мохито. Лёд уже растаял, напиток был водянистым и кислым.

— Не торопи события, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал легко.

— Какое там тороплю! — Вика фыркнула, отламывая кусочек хлеба. — Тебе тридцать два. Даньке — сорок один. Биологические часы, сестрёнка, они тикают громче будиль-

ника в понедельник утром. А уж его часики... — она многозначительно подняла брови, — их стрелки уже на пике карьеры замерли. Гены такие надо передавать, пока инкубационный материал не испортился. Он же идеальный отец будет: умный, красивый, обеспеченный. Что ты ждёшь-то?

Каждый вопрос был словно тонкая, отточенная игла. Она вонзала их не со зла, ей казалось, что она «проявляет заботу» в своей уникальной, циничной манере. Но от этих уколов внутри меня собирался холодный, тяжёлый ком. Он мешал дышать.

— Не всё так просто, Вик. С работой, с его графиком...

— Брось! — она махнула рукой, и её кисточки затрепетали. — Ты же королева организации. Запланируешь зачатие в ежедневник между подписанием контракта и выбором канапе. А Даня... Ну, что ему стоит? Пластику груди какой-нибудь инфлюенсерше сделать, а тебе ребёнка заделать. Дело-то на полчаса, если без романтики.

Она засмеялась своему же чёрному юмору. Я силилась улыбаться. Тошнило.

— Он не торопится, — наконец выдохнула я, глядя на мутный лёд в бокале. — Говорит, хочет пожить для себя. Что мы ещё не готовы.

Вика замерла на секунду, её бровь поползла вверх. В её глазах вспыхнул азарт охотника, учувшего слабинку.

— О-го-го. «Не готовы». Это новое. А свадьбу на двести человек он был готов затратить? А квартиру в ипотеку на два-

дцать лет — готов был брать? Это, прости, пахнет отмазкой, милая. Или... — она наклонилась через стол, понизив голос до конспиративного шёпота, который, однако, был отлично слышен за соседним столиком, — или он свой «инкубационный материал» уже куда-то передал? Такое сейчас модно — вторые семьи. Особенно у таких, как он: сорокалетний, состоявшийся, с комплексом бога. Хочет продлить род, но без обязательств в виде вечно уставшей жены с животом.

— Вика, хватит, — моё терпение лопнуло. Голос прозвучал резче, чем я планировала. — Не лезь не в своё дело.

Она откинулась на спинку стула, делая обиженное лицо, но в глазах всё так же плясали искорки.

— Ладно, ладно, не буду. Просто за тебя переживаю. Вижу идеальную картинку, а за ней... — она развела руками, — пустота какая-то. Детей нет, ты вечно в работе, он вечно в операционной. Романтика где? Спонтанность? Вы как два безупречных манекена в витрине дорогого магазина. Красиво, но неживо.

Она попала в самую точку. В яблочко. Этот холодный комок в груди разросся, сдавил горло. Она видела. Видела то, что я сама отчаянно старалась не замечать.

— Мы просто взрослые люди, у которых есть цели, — механически произнесла я заученную мантру. — Не у всех жизнь — это сплошная спонтанность и сторис.

— Ну да, ну да, — Вика снова взялась за телефон, поняв, что на сегодня доза «правды-матка» введена. — Кстати, а

что за подарок он тебе вчера приволок? Кроме часов? Ты не сфоткала.

— Больше ничего, — сказала я.

— Странно, — бросила она, не отрываясь от экрана. — Мне показалось, я видела, как он вчера днём заходил в «Эклипс». Они там бриллиантовые серьги с сапфирами классные делают. Я думала, тебе.

В ушах зазвенело. «Эклипс». Моё сердце бешено заколотилось, но лицо, надеюсь, осталось невозмутимым.

— Наверное, для клиентки. Или для мамы, — проговорила я, и мой голос прозвучал откуда-то издалека.

— Для Тамары Петровны? — Вика фыркнула. — Да он ей на восьмое марта гелиевый шарик дарит, чтобы не обязывать. Не верю.

Она отложила телефон и посмотрела на меня долгим, suddenly серьёзным взглядом.

— Надь. Ты же умная. Просто глаза открой. Иногда идеальная картинка существует, чтобы скрыть трещину в стене. А трещины имеют свойство расти.

Обед продолжался ещё час, но я не помнила вкуса еды. Ядовитые иголки её слов впились в меня и остались там, медленно отравляя сомнением. Холодный ком в груди теперь имел форму и название. Он назывался страх. Страх, что циничная Вика, со своим чёрным-пречёрным юмором, видит мою жизнь лучше, чем я сама.

Глава 3: Первая трещина

Утро после ужина с Викой началось с тупой, давящей боли в висках. Отоспаться не удалось — в десять у меня была встреча с новыми клиентами, желавшими обручиться в зимнем саду с живыми колибри. Я пила кофе и пыталась прогнать призраков, вызванных Викиными словами.

Даниила уже не было. На барной стойке лежала записка на фирменном бланке его клиники: *«Уехал рано, сложная операция. Не забудь про ужин с мамой в пятницу. Привези ей те конфеты, что она любит. Ц.»*. «Ц.» — означало «целую». Даже в любви он был краток и деловит.

Мне нужно было сменить пальто — сегодняшнее было слишком строгое для встречи с будущими молодоженами требовалось что-то мягче, комфортнее. Я прошла в свою гардеробную, размером с нашу первую с Даней студию, и открыла шкаф.

Его вещи висели в идеальном порядке: костюмы, пальто, несколько курток. Я потянулась за его тёмно-серым пальто от Zegna — в нём он был в прошлую пятницу на благотворительном аукционе. Хотела перевесить его чуть дальше, чтобы достать своё бежевое.

Пальто было тяжёлым, добротным. Когда я сняла его с вешалки, из внутреннего кармана что-то выскользнуло и, легонько шурша, упало на ковёр.

Я наклонилась. Это был не просто скомканный билет или чек из кофейни. Это была длинная, узкая кассовая лента на плотной бумаге. Чек. Сверху логотип: «Eclipse».

Время замедлилось. Руки похолодели. Я медленно развернула бумажку.

«Eclipse». Чек об оплате.

Дата: 17 октября (позавчера)

Товар: Кольцо обручальное, белое золото, центральный камень сапфир 1.5 ст, окантовка бриллиантами.

****Сумма: *******

Сумма была такая, что я машинально перечитала её трижды. Не для меня. Это точно не для меня.

Мой стиль — лаконичность. Геометрия. Чёрное золото, платина, простые формы. Сапфиры? Нет. И уж тем более не «обручальное кольцо». У меня было своё, простое платиновое обручальное, которое я снимала только во время работы.

В голове зазвучал голос Вики: *«Я думала, тебе»*. И его же, вчерашний, игривый: *«Или он свой "инкубационный материал" уже куда-то передал?»*

Паника, острая и тошнотворная, поднялась от самого желудка к горлу. Я схватила телефон. Пальцы дрожали, я дважды промахнулась, набирая его номер.

Он ответил не сразу. На фоне слышались приглушённые

голоса, звук шагов по линолеуму.

— Надя? Что-то случилось? — его голос был ровным, профессиональным, с лёгкой ноткой нетерпения. Он был на работе. Я отвлекала.

— Я... я нашла чек, — выпалила я, не в силах подобрать слова. — В твоём пальто. Из «Эклипса».

Молчание. Оно длилось всего три секунды, но показалось вечностью.

— И? — наконец произнёс он. В его тоне не было ни удивления, ни тревоги. Было... раздражение.

— Даниил, это чек на кольцо. На обручальное кольцо с сапфиром. За сумму... — мой голос срывался.

Он тяжело вздохнул. Этот вздох я знала — вздох уставшего взрослого, вынужденного объяснять очевидное капризному ребёнку.

— Наденька, — сказал он, и в голосе появились знакомые, маслянистые нотки терпения. — Это подарок. Для Анны Викторовны, матери нашего главного спонсора. У неё юбилей свадьбы, и её старое кольцо безнадёжно устарело. Меня попросили, как человека с безупречным вкусом, помочь с выбором. Я купил, отдал, дело закрыто. Чек должен был выбросить, видимо, забыл.

Он говорил так гладко, так логично. Это было возможно. Даже вероятно. Он часто делал такие вещи — использовал свои связи и вкус для подарков влиятельным людям. Но...

— Почему именно обручальное? — тихо спросила я. —

И почему ты не сказал?

— Потому что это не твоё дело, прости, — его голос стал твёрже. — Это часть работы, о которой я не обязан отчитываться. А что касается «почему обручальное» — у женщины юбилей свадьбы, как ты думаешь, что ей дарят? Серьги? Это было бы дурным тоном. — Он снова помолчал, и когда заговорил снова, в его интонации появилась та самая, леденящая душу нота разочарования. — Но меня больше волнует другое, Надя. Когда ты перестанешь обыскивать мои карманы? Проверять телефон, наверное, тоже уже научилась? Ты стала... такой подозрительной. Такой недоверчивой. Это очень утомляет.

Удар был точен и беспощаден. Он переводил стрелки с его таинственного чека на моё «неадекватное» поведение. И это работало. Чувство вины, острое и жгучее, тут же затопило первоначальную панику.

— Я не обыскивала... — слабо попыталась я оправдаться. — Оно просто выпало...

— Неважно, как, — перебил он, и теперь в голосе звучала усталость. — Важно, что ты опять ищешь какую-то тайну там, где её нет. Может, Вика опять нашептала? Её цинизм тебе не на пользу, дорогая. Она видит грязь везде, потому что сама в ней барахтается. Мы с тобой не такие.

«Мы с тобой». Эти слова всегда действовали на меня магически. Они создавали союз, крепость против всего мира. Сейчас они прозвучали как упрёк.

— Прости, — прошептала я, сжимая в ладони злополучный чек. Бумага стала мокрой от влаги кожи. — Я... я просто испугалась.

— Я понимаю, — сказал он, и голос его снова смягчился, став почти отеческим. — Но пора бы уже доверять мне. Хотя бы чуть-чуть. У нас всё хорошо, Надя. Прекрасно. Не выдумывай проблем. Ладно?

— Ладно.

— Отлично. У меня пациент. Вечером увидимся. И выбрось этот чек, наконец.

Он положил трубку.

Я долго стояла посреди гардеробной, держа в руках смятый клочок бумаги. Его объяснение было идеальным. Логичным. Оно снимало все вопросы. Оно должно было успокоить.

Но почему же тогда холодный ком страха в груди не растаял, а лишь сжался, превратившись в твёрдый, болезненный лёд? Почему слова «Ты стала такой подозрительной» отозвались во мне не раскаянием, а новой, щемящей тревогой?

Я разгладила чек и медленно, очень медленно, поднесла его к свету. На обороте, едва заметные, были крошечные цифры, написанные от руки. Не цена. Что-то вроде кода или... номера? «R512».

Я закрыла глаза, с силой сжав бумагу в кулаке. Потом разжала пальцы. Не выбросила. Отнесла в спальню и засунула на самое дно своей шкатулки для бижутерии, под бархатную

подкладку. Просто так. На всякий случай.

Это была первая трещина. Тонкая, почти невидимая. Но я уже знала — трещины имеют свойство расти. А главное — я уже не могла сделать вид, что не вижу её.

Глава 4: Газлайтинг

Даниил вернулся поздно. Я уже была в пижаме, сидела в гостиной с ноутбуком, делая вид, что работаю над сметой для колибри. На самом деле я пялилась в одну точку, мысленно перематывая наш утренний разговор и этот проклятый чек с кодом «R512».

Ключ повернулся в замке тихо. Я не обернулась, притворяясь погружённой в таблицы. Слышала, как он снимает обувь, вешает пальто, пауза в прихожей. Потом шаги по паркету.

Он вошёл в гостиную. В руках у него был огромный, дикий букет: бордовые пионы, почти чёрные розы, ветки эвкалипта. И конверт.

Я подняла на него глаза, стараясь сохранить нейтральное выражение.

— Привет, — сказала он. Его лицо было усталым, но не злым. Скорее... озабоченным. Он подошёл и поставил букет на кофейный стол. Запах пионов, густой и сладкий, мгновенно заполнил пространство. — Прости за утро. Был на взводе, операция действительно сложная.

— Всё в порядке, — автоматически ответила я.

— Нет, не в порядке, — он сел на диван напротив, не пытаясь обнять или коснуться. Принял позу для серьёзного разговора. — Я подумал весь день. Мне неприятно, что меж-

ду нами возникает такое недоверие. И, видимо, я сам виноват.

Я не ожидала этого. Я ждала новой порции упрёков, холодности. Но не самокритики.

— В чём? — осторожно спросила я.

— В том, что слишком много внимания уделяю работе. Забываю, что тебе нужны не только подарки и красивые слова, а... моё присутствие. Моё участие. — Он потёр переносицу, жест крайней усталости и искренности. — Я вижу, как ты устаёшь. Вижу эту... пустоту. И вместо того, чтобы заполнить её собой, я отгораживаюсь делами. А потом обижаюсь, когда ты начинаешь искать причины моего отсутствия в чём-то другом. Это нечестно с моей стороны.

Каждое слово било точно в цель. В мои тайные, невысказанные страхи об одиночестве. В мою усталость от этого бесконечного перфекционизма. Он видел. Оказывается, видел.

— Даня... — голос дрогнул.

— Вот, — он взял конверт и протянул мне. — Попытка загладить вину. Не полная, конечно. Но начало.

Я открыла конверт. Внутри — распечатанные электронные билеты. Москва – Мали. Бизнес-класс. Отель на воде. Даты — через три недели. На две недели.

— Мальдивы? — прошептала я. Мы обсуждали это когда-то давно, в первые годы, но всё время что-то мешало.

— Да. Настоящий отдых. Только море, ты и я. Никаких телефонов, клиентов, операций. Я всё отменил и предупре-

дил. Мы давно не отдыхали просто так, для себя. Не как «семья Старцевых», а как Надя и Даня. Пора вспомнить, кто мы есть на самом деле.

Он смотрел на меня с таким теплом, с такой надеждой в глазах, что мои подозрения начали казаться мне самой чудовищной неблагодарностью. Он купил кольцо для старушки-спонсорши. Он устал от работы. Он винит себя в нашей отдалённости. И теперь он бросает всё, чтобы спасти нас, спасти меня от этой «пустоты».

А я? Я обыскиваю его карманы, храню обрывки чеков, слушаю язвительные намёки сестры. Кто здесь ненормальный?

— Это... невероятно, — сказала я, и слёзы сами подступили к глазам. От облегчения, от стыда, от внезапно нахлынувшей надежды. — Спасибо.

— Не благодари, — он наконец пересел ко мне, обнял за плечи. Его рука была тёплой, тяжёлой. — Это я должен благодарить тебя за терпение. Я знаю, я нелёгкий человек. Перфекционист. Зациклен на работе. Но я хочу, чтобы у нас всё было хорошо. Лучше всех. — Он поцеловал меня в висок. — Ты же веришь мне?

Этот вопрос повис в воздухе, налитый сладким запахом пионов. Это был не вопрос. Это была ловушка. И проверка.

— Верю, — выдохнула я, прижимаясь к нему. — Конечно, верю.

— Вот и хорошо, — он удовлетворённо вздохнул. — То-

гда выброшь все эти дурацкие мысли. И перестань слушать Вику. Она тебя травит, сама того не понимая. Она несчастна в своей показной жизни, вот и хочет, чтобы все вокруг были такими же.

Он говорил это мягко, заботливо. Убедительно. Я кивала, пряча лицо на его плече. Чек под подкладкой шкатулки казался теперь не уликой, а свидетельством моей истеричности.

Позже, в спальне, он был нежен, как в первые годы. Внимателен. Он словно вёл спектакль по давно забытой, но бережно восстановленной пьесе. Каждое прикосновение, каждый поцелуй были точными, выверенными. Идеальными.

И именно в этом перфекционизме была смертельная фальшь.

Я участвовала в этом спектакле, отвечая ему, стараясь быть той Надей, в которую он, казалось, снова влюблён. Но внутри я наблюдала за собой со стороны. Видела, как моё тело откликается на его ласки, в то время как разум холодным, отдельным комком висел где-то под потолком и фиксировал: *«Сейчас он целует шею. Длительность: 12 секунд. Рука перемещается на бедро. Давление: среднее»*.

Это была не близость. Это была сложная, многоуровневая симуляция. И он был в ней блестящим режиссёром. А я — главной актрисой, которая вдруг осознала, что играет не свою роль, и забыла текст.

Когда он уснул, ровно и глубоко, я лежала рядом, глядя в

темноту. Запах пионов из гостиной просачивался в спальню, становясь удушающим. Билеты на Мальдивы лежали на его тумбочке, как пропуск в обещанный рай.

Но в ушах, поверх его ровного дыхания, звенел его же утренний голос, холодный и раздражённый: *«Ты стала такой подозрительной»*.

И тихий, настойчивый шёпот из самой глубины: *«А что, если я не "стала"?.. А что, если у меня просто открылись глаза?»*

Глава 5: Сомнение

Вика ворвалась в мой офис, как ураган в розовом комбинезоне. Она скинула на диван огромную сумпу, из которой выглядывали коробка с каким-то гаджетом и упаковка веганского печенья, и окинула мой кабинет оценивающим взглядом.

— У тебя тут, конечно, стерильно, — заявила она. — Как в предоперационной у твоего благоверного. Не хватает только ламп ультрафиолетовых и запаха хлорки. Ты не боишься, что клиенты уснут?

— Они приходят не за атмосферой, а за результатом, — парировала я, откладывая план очередной свадьбы. — А что случилось? Ты обычно предупреждаешь о визитах.

— А тут случай особый. Не для телефона, — она таинственно подмигнула и вытащила из сумки небольшую коробочку. На ней была стильная чёрно-белая этикетка с надписью «Guardian» и схематичным изображением земного шара. — Держи. Средство от бессонницы и тревожности.

Я взяла коробку с опаской. Она была лёгкой.

— Что это?

— GPS-трекер, — невозмутимо сказала Вика, доставая печенье и откусывая кусок. — Новейшая модель. Магнитный, водонепроницаемый, зарядки хватает на месяц. Прикрепляешь к днищу машины, к раме велосипеда, в сумку...

куда угодно. А потом следишь по приложению на телефоне. Реальное время, история маршрутов. Всё в зашифрованном виде.

У меня от её слов похолодели пальцы. Я резко поставила коробку на стол, будто она была раскалённой.

— Вика, ты с ума сошла? Это же... слежка!

— Это забота о своём ментальном здоровье, — поправила она, с наслаждением чавкая. — Я про тебя, кстати. Вижу, как ты извелась после того разговора про чек. И после его «великого прощения» с букетами и билетами в рай. — Она бросила на меня колкий взгляд. — Как спектакль прошёл? Оскар ему не дали?

Я вздрогнула. Она видела всё. Как всегда.

— Всё было нормально, — сквозь зубы процедила я. — Мы помирились. Он всё объяснил. И мы едем на Мальдивы.

— О, как мило! — Вика прижала руки к груди в театральном восторге. — Романтическое путешествие, чтобы заклеймить трещины гипсокартона розовым сиянием заката! Классика. Только вот гипсокартон потом всё равно треснет, если стена кривая.

— Прекрати, — голос мой дрогнул. — У нас всё хорошо.

— Да? — она отложила печенье и подошла ближе, её взгляд стал серьёзным, без привычной насмешки. — Тогда почему у тебя синяки под глазами, как у панды? Почему ты вздрагиваешь, когда звонит телефон? Хорошо — это когда ты не боишься, что муж тебе врёт. Когда тебе не нужно рыть-

ся в его карманах в поисках улики. Ты сама себя загоняешь, Надь. Это не норма.

Её слова били прямо в незажившую рану. Я отвернулась, глядя в окно на серое небо.

— Я не хочу этим заниматься. Это низко. Это... это конец.

— Это не начало конца, сестрёнка. Это возможность проверить, есть ли ещё что спасать, — её голос смягчился. — Послушай. Возьми эту штуку. Не для того, чтобы прилепить ему на машину. Просто... пусть полежит. На всякий случай. Для самоуспокоения. Проверишь, что его машина сутками стоит у клиники или у спортзала, и выбросишь трекер в урну. И будешь спать спокойно. А если... — она сделала многозначительную паузу, — если машина будет ночевать не там, где надо, ты хотя бы будешь знать. Не гадать, а знать. И решать, что с этим знанием делать.

Она говорила заклинание, искушительница в розовом комбинезоне. Семя тотального, всепоглощающего недоверия, уже посаженное утренним звонком и заботой о спонсоршах, дало росток. Он тянулся к свету этого маленького, стильного устройства.

— Я не могу, — прошептала я, но в голосе уже не было прежней уверенности. Была слабость. — Это предательство.

— Нет, милая. Предательство — это изменять жене. А проверять того, кто даёт тебе поводы для сомнений, — это инстинкт самосохранения, — она ткнула пальцем в коробку. — Решай сама. Я своё дело сделала. Не хочешь — выброси.

Но знай: я видела, как он позавчера заходил не в клинику, а в «Метрополь». Один. Без мамы спонсоров.

Мир замер. Звук снаружи — гудки машин, голоса — пропал. Осталось только её лицо и эта маленькая чёрная коробка.

— Почему ты мне раньше не сказала? — голос мой был чужим, хриплым.

— Потому что одних слов мало. Нужны доказательства. Или опровержения. Вот инструмент, — она похлопала по коробке. — А теперь мне пора. У меня коллаборация с одним бьюти-блогером, нужно сделать вид, что я в восторге от его нового крема для пяток.

Она надела свою гигантскую сумку на плечо, поцеловала меня в щёку.

— Береги себя, Надюха. И помни: слепое доверие — это не добродетель. Это глупость.

Дверь закрылась за ней. Я осталась одна в своём стерильном, безупречном кабинете. Взгляд снова и снова возвращался к коробке. Она лежала там, как бомба замедленного действия.

Я протянула руку. Открыла коробку. Внутри, на чёрном поролоне, лежал маленький, не больше монеты, гладкий диск. Никаких кнопок, никаких индикаторов. Просто холодный, безликий кусочек технологий.

«Для самоуспокоения», — сказала Вика.

«Ты стала такой подозрительной», — сказал Даниил.

Мои пальцы сомкнулись вокруг трекера. Он был холодным и невероятно тяжёлым в ладони.

Я не прикреплю его к его машине. Конечно же, нет. Я не такая. Я выше этого.

Я открыла верхний ящик своего стола, где лежали скрепки, стикеры и запасная помада. Засунула туда маленький чёрный диск. И захлопнула ящик.

Семя было не просто посажено. Оно было полито. И теперь пускало корни, тёмные и цепкие, прямо сквозь дно моего ящика, сквозь паркет, в самую почву моей жизни.

Глава 6: Ужин с монстром

Ужин с Тamarой Петровной был тем обязательным злом, которое Даниил называл «семейными узами». Раз в месяц. В одном и том же пафосном французском ресторане с астрономическими ценами и порциями размером с мышиный глаз. Я ненавидела эти вечера. Они высасывали из меня всю энергию, оставляя лишь нервную дрожь и чувство глубочайшей неполноценности.

Сегодняшний ужин был особенным — «обсудить Мальдивы», как сказал Даниил. Хотя я отлично знала, что обсуждению подлежало не место отдыха, а сам факт того, что её сын собирается на две недели выпасть из поля её зрения, потратив деньги и время на меня.

Мы пришли раньше. Я надела простое чёрное платье — «без выкрутасов, Надя, мама это не оценит». Даниил был в своём обычном безупречном состоянии: тёмно-синий костюм, белая рубашка без галстука, лёгкий, но заметный аромат дорогого парфюма. Он просматривал что-то на телефоне, изредка бросая мне дежурную улыбку.

В семь ноль-ноль, как по будильнику, в зал вошла она. Тамара Петровна не появлялась — она являлась. В пальто из кашемира неопределённого, но наверняка эксклюзивного оттенка «пыльной розы», с небрежно, но идеально накинутым шёлковым платком Hermès. Её волосы, окрашенные в

пепельный блонд, были убраны в жёсткий, безупречный пучок. Она сняла перчатки, оглядела зал, нашла нас глазами и направилась к столику. Её походка была неспешной, властной. Весь ресторан на миг затих, будто отдавая дань.

— Мама, — Даниил встал, поцеловал её в щёку. — Ты выглядишь потрясающе.

— Стараюсь, сынок, — её голос был низким, немного хрипловатым от сигарет и безапелляционности. — Надежда.

Она кивнула мне, позволив воздушно поцеловать её в щеку. Её кожа пахла дорогим кремом и холодом.

— Тамара Петровна, здравствуйте. Очень рады вас видеть.

— Рады? — она присела, позволив официанту придвинуть стул. — Сомневаюсь. Но церемонии — они для того и существуют.

Она взяла меню, не глядя на него. Вино она выбрала сама, без наших мнений — белое бургундское, «выдержанное, но не заносчивое». Закуски заказала за всех: устрицы, фуа-гра, трюфельный суп. «Вы не разбираетесь в их картофельном пюре с трюфелями, Надежда, позвольте мне».

Ужин начался. Первые десять минут говорила только она — о новых ограничениях на въезд в Швейцарию, о скандале в попечительском совете Большого театра, о том, как обесценился рубль. Даниил внимательно слушал, изредка вставляя: «Конечно, мама», «Абсолютно с тобой согласен». Я молчала, размазывая фуа-гра по тосту, который уже лежал комком

в желудке.

— Ну, рассказывайте о вашем... побеге, — наконец произнесла она, отпивая вина. Её взгляд, холодный и оценивающий, скользнул с Даниила на меня.

— Это не побег, мама, — мягко, но твёрдо сказал Даниил. — Это отпуск. Долгий, качественный. Наде давно нужен отдых, да и мне не помешает.

— Отдых, — она произнесла это слово так, будто это было что-то неприличное. — В твои-то годы, Даня? Когда карьера на самом пике? Когда за место декана в академии идёт борьба нешуточная? Вот Игорь Петрович, — она обратилась ко мне, будто делаясь страшной тайной, — его зять, тот самый, что женился на дочери ректора, как раз возглавил кафедру. И ведь посредственный хирург, между нами. Но связи... связи решают всё. А ты вместо того, чтобы укреплять свои, летишь на какой-то атолл жевать кокосы.

Она смотрела прямо на меня, и её слова висели в воздухе откровенным обвинением. *Это ты отвлекаешь моего гениального сына от великого будущего. Это из-за тебя он не женился на «правильной» девочке.*

— Мама, — в голосе Даниила прозвучало предупреждение, но слабое.

— Что «мама»? Я говорю как есть. Ты мог бы уже давно быть деканом. Или главврачом частной клиники уровня «Елены Малышевой». Женись ты на Машеньке Соколовой... — она ностальгически вздохнула, отпивая вина. — Умница,

красавица, из семьи. Отец — ректор. Это была бы партия. Но ты... выбрал любовь, — она произнесла это слово с лёгкой гримасой, будто «любовь» была экзотической, но сомнительной болезнью.

Меня бросало в жар. Я сжимала нож и вилку так, что костяшки побелели. Я была невидима. Я была фоном, проблемой, препятствием на пути её сына к величию.

— Тамара Петровна, — заставила я себя заговорить, голос мой прозвучал тоньше, чем хотелось. — Даниил — уважаемый хирург. Его ценят за профессионализм, а не за связи.

Она медленно перевела на меня свой взгляд, будто только сейчас заметила, что я могу говорить.

— Ценят? — она мягко усмехнулась. — Милая девочка. В нашем мире «ценят» до первой ошибки или до того, как появится кто-то с более выгодной женитьбой. Профессионализм — это необходимое условие, но недостаточное. А ты... — она обвела меня взглядом с ног до головы, — ты что ему даёшь, кроме «любви»? Красивые глаза? Ужины? Event-агентство, которое, прости, пахнет цыганской свадьбой? Связи у тебя есть? Статус?

Каждое слово было ударом хлыста. Я сидела, оглушённая, уничтоженная. Даниил молчал. Он смотрел в свою тарелку, будто изучая узор на фарфоре. Он не вступался. Никогда не вступался.

— Я... я создаю ему тыл, — выдохнула я, понимая, насколько жалко это звучит.

— Тыл, — она кивнула, делая глоток вина. — Тыл — это когда жена организует приём для попечителей клиники и приглашает на него министра здравоохранения. А не когда составляет сметы на воздушные шарик. Впрочем, — она махнула рукой, будто списав меня со счетов, — что с тебя взять. Ты из простой семьи. Не знаешь этих правил.

Тишина за столиком стала ледяной. Даниил наконец поднял глаза.

— Мама, хватит, — сказал он безразличным тоном. Не в защиту меня. А потому что сцена становилась неудобной. — Надя — моя жена. И точка. А деканом я ещё успею стать. Мальдивы — это всего лишь две недели.

— Две недели — это четырнадцать дней, которые можно было потратить на обед с Александром Львовичем, — парировала она. — Он как раз вернулся из Женевы. Но теперь у тебя, видимо, другие приоритеты.

Она отпила вина, поставила бокал. Её взгляд снова стал светским и безразличным.

— Ладно, не буду вас больше мучить. Раз решили, значит решили. Надежда, передай, пожалуйста, соль.

Фраза «передай соль» прозвучала как приговор. Как определение моего места. Я не жена. Не партнёр. Я — прислуга при принце. Та, что должна молча слушать о том, какую блестящую партию он продул, и вовремя подавать солонку.

Я механически протянула ей серебряную солонку. Наши пальцы не коснулись.

Остаток ужина прошёл в монотонном обсуждении Тамарой Петровной предстоящего аукциона и неудачной пластички её подруги. Я не слышала ни слова. Во мне бушевала тихая, бессильная ярость, смешанная с леденящим стыдом. Я ловила взгляд Даниила, пытаюсь найти в его глазах хоть каплю поддержки, хоть намёк на то, что он со мной. Но его глаза были пусты. Он был вежлив, внимателен к матери, ко мне — отстранённо-корректен.

Когда мы вышли из ресторана, Тамара Петровна позволила Даниилу помочь ей надеть пальто, ещё раз поцеловала его в щёку.

— Подумай о том, что я сказала, сынок. Время уходит, — бросила она на прощание и, кивнув мне, уехала на своём чёрном мерседесе.

Мы сели в нашу машину. Даниил завёл мотор и несколько минут молча смотрел на дождь, стекающий по лобовому стеклу.

— Не обращай внимания, — наконец сказал он, не глядя на меня. — Она всегда такая. Просто хочет для меня лучшего.

— Лучшего, — повторила я без интонации. — А я, выходит, худшее?

Он повернулся ко мне. На его лице было выражение лёгкого раздражения.

— Не будь ребёнком, Надя. Ты знаешь, что я имею в виду. Она из другого поколения, у неё другие ценности. Не нужно

всё принимать на свой счёт.

— Она назвала мою работу «цыганской свадьбой», — прошептала я, и голос задрожал. — И ты ничего не сказал.

— Что я должен был сказать? — его голос стал резким. — Устроить сцену в ресторане? Ты хочешь, чтобы мы с мамой поругались из-за твоих обидчивых чувств?

«Из-за твоих обидчивых чувств». Он сводил всё к моей истеричности. Снова. Как с чеком. Я была проблемой. Не его мать с её ядовитыми иглами, а я — со своей уязвимостью.

Я отвернулась, глядя на размытые огни ночного города. Дождь стучал по крыше, заполняя тягостное молчание.

— Я хочу домой, — тихо сказала я.

Он вздохнул — тот самый, усталый вздох, который я уже ненавидела, — и тронулся с места.

Всю дорогу мы не разговаривали. Я чувствовала себя не женой, едущей в машине с мужем. Я чувствовала себя пленницей, которую только что подвергли унижительному допросу и теперь везут обратно в клетку. А он, мой муж, мой принц, был не моим спасителем. Он был тюремщиком. Молчаливым, красивым и абсолютно равнодушным к моей боли.

И в тот момент, глядя на его профиль, освещённый неоновым светом витрин, я поняла одну простую и страшную вещь: в этом альянсе — он, его мать и их общие амбиции — для меня места не было. Никогда и не было. Я была временным украшением. Ошибкой, которую ещё не исправили.

Глава 7: Призрак прошлого

Следующие несколько дней прошли в тумане. Я работала на автомате, составляя планы и сметы, отвечая клиентам улыбкой, которая не доходила до глаз. Унизительная сцена в ресторане горела на внутренней стороне век, стоит мне их закрыть. А ещё глубже, в самой сердцевине, сидела чёрная коробочка из верхнего ящика стола. Она пульсировала тихим, навязчивым гулом, как невзорвавшийся снаряд.

Мне нужно было отвлечься. Нужно было доказать самой себе, что я не только «прислуга при принце» и не «цыганский тамада». Я решила обновить гардероб — не для Даниила, не для его матери, а для себя. Одежда как доспехи.

Я отправилась в концепт-стор, где когда-то покупала вещи для своей «старой» жизни — смелые кроя, неожиданные ткани. Пока я примеряла жакет архитектурного силуэта, чей-то голос позвал меня из-за двери примерочной:

— Надь? Надежда? Это ты?

Голос был знакомым, тёплым, с лёгкой хрипотцой. Я выглянула. В коридоре стояла Лена. Лена Соколова, моя однокурсница по университету. Мы не виделись лет семь. Она почти не изменилась: всё те же веснушки, озорные глаза, только волосы стали короче и с проседью.

— Ленка! Боже, какая встреча! — искренняя радость на секунду развеяла мой внутренний мрак. Мы обнялись.

— Смотрю на тебя и не верю! — отступив, Лена оглядела меня с головы до ног. — Всё такая же стильная. Читала про твоё агентство — ты крушишь! И замужем, кажется, за тем самым... Данилой? Даниилом?

— Даниилом, — поправила я, и имя прозвучало как-то странно, чужеродно. — Да, замужем.

— Ну конечно, за кем же ещё! — Лена рассмеялась. — Ты же на нём с третьего курса глаз не сводила. Наш яркий, перспективный медик. Все девчонки вздыхали, а он выбрал тебя. Ну, как он? Всё такой же блестящий?

— Блестящий, — кивнула я, чувствуя, как натянутая улыбка начинает болеть щёки. — Пластический хирург, у него своя клиника.

— Ничего себе! Звёздный пациент, наверное. А ты — звездная жена, — Лена подмигнула. Но в её взгляде не было яда Вики или холодного оценивания Тамары Петровны. Была просто ностальгия. — А я вот в декрете втором. Два пацана, ад кромешный, но люблю их безумно. Работаю удалённо бухгалтером. Скучно, зато стабильно.

Мы разговорились, вышли из магазина и засели в соседней кофейне с огромными кружками капучино. Лена высыпала на стол фотографии детей, рассказывала про мужа-инженера, про дачу. Это была простая, бесхитростная жизнь, полная мелких бытовых радостей и проблем. И глядя на неё, я с удивлением поймала себя на мысли... на зависти. Тихой, щемящей зависти к этой нормальности, к этому отсутствию

необходимости быть безупречной.

— А помнишь нашу тусовку на физмате? — вдруг ожи-
вилась Лена, откладывая телефон. — Эти ночные посиделки
в общаге с чипсами и разговорами о смысле жизни? И того
тихоню... как его... Серёжу! Серёжу Королёва!

Имя прозвучало как удар колокола. Тихий, чистый звук в
гулкой пустоте.

— Помню, — выдохнула я.

— Ну и ну! Он же на тебя, как на божество, смотрел! —
Лена засмеялась, не замечая, как я замерла. — Все видели.
Он тебе и стихи писал, и программы какие-то для твоего
курсача делал... Помнишь, как он тебе на день рождения тот
сайт-поздравление запустил? С анимацией и музыкой? Вся
кафедра ржала, а он краснел, как маков цвет.

Я помнила. Я старалась не помнить. Это было из дру-
гой жизни, из того времени, когда я была другой Надей —
более легкомысленной, более открытой. Сергей был... без-
опасным. Он был гением за компьютером и косноязычным
младенцем в жизни. Его любовь была тихой, ненавязчивой,
как фоновый шум. А Даниил... Даниил был ураганом. Яр-
ким, уверенным, целеустремлённым. Он нёс с собой мир
глянцевых журналов, дорогих ресторанов и головокруги-
тельных перспектив. Рядом с ним я чувствовала себя избран-
ной. Рядом с Сергеем — просто собой.

— Да, было дело, — сказала я, отхлёбывая кофе, который
вдруг стал горьким.

— А ты ему, бедняге, так и дала от ворот поворот, — вздохнула Лена, по-доброму сокрушаясь. — Ну, понятно, конечно. Даниил — он был... ну, событие. Звезда. А Сергей — просто хороший парень. Хотя, знаешь, — она понизила голос, хотя вокруг никого не было, — я слышала, он сейчас очень даже ничего. Свой IT-стартап продал за кучу денег. Живёт тихо, вроде не женат. Но это так, слухи.

Она махнула рукой, отмахиваясь от сплетен, и перевела разговор на новую выставку в Третьяковке. Но её слова уже сделали своё дело.

«Жаль, ты выбрала яркого Даню».

Эта фраза повисла в воздухе, обрастая плотью. Она не звучала как упрёк. Звучала как констатация факта, за которым стояло целое древо альтернативных реальностей.

А что если?

Что если бы я тогда, десять лет назад, выбрала не ураган, а тишину? Не блеск, а глубину? Не того, кто хотел меня переделать в идеальную картинку, а того, кто любил ту, что есть?

Мысли текли, опасные и тревожные. Я представляла другую жизнь. Не пентхаус, а уютную квартиру с книжными полками до потолка. Не пафосные ужины с Тамарой Петровной, а тихие вечера с человеком, который смотрит на меня не как на проект, а как на чудо. Не необходимость всегда быть на высоте, а право быть просто собой — уставшей, неидеальной, живой.

Это был побег. Побег в фантазию. Но в этой фантазии бы-

ло больше тепла, чем во всей моей реальности за последние пять лет.

— Надь, ты чего приуныла? — Лена коснулась моей руки.

— Ой, прости, я, наверное, ностальгией тебя достала.

— Нет, что ты, — я встряхнулась, заставив себя улыбнуться. — Просто вспомнилось. Спасибо, что напомнила. О хорошем.

Мы попрощались, пообещав «не теряться», хотя оба знали, что вряд ли снова пересечёмся. Лена умчалась к своим детям, а я осталась сидеть с остывшим кофе.

Я достала телефон. Рука сама потянулась к строке поиска. «Сергей Королёв IT». Я остановила палец в сантиметре от экрана. Нет. Нельзя. Это уже будет не просто мысль. Это будет действие. Предательство по отношению к... кому? К человеку, который, возможно, уже давно предал меня в своих мыслях или даже поступках?

Я убрала телефон. Но призрак прошлого уже вышел из бутылки. Он стоял рядом со мной в этой кофейне, молчаливый и спокойный, с добрыми, умными глазами, в которых не было ни капли оценки.

Рядом с Даниилом я всегда чувствовала себя ученицей, которая вот-вот не сдаст экзамен. Рядом с призраком Сергея — почему-то вспомнилось — я чувствовала себя учительницей. Той, чьё мнение ценили. Той, кого слушали, затаив дыхание.

Я допила холодный кофе до дна, встав со стула. «Что ес-

ли» — самое опасное в мире сочетание слов. Оно подрывает фундамент принятых решений. Оно заставляет сомневаться в своём выборе. А в моей ситуации сомневаться было смертельно опасно. Потому что если мой выбор был ошибкой, то вся моя жизнь — красивая, дорогая, безупречная — была одной большой, тотальной ошибкой.

Я вышла на улицу. Вечерний город встретил меня привычным гулом. Но внутри теперь жил не только страх и подозрение. Теперь там жила ещё и тихая, ядовитая тоска по тому, что могло бы быть. По той Наде, которой я могла бы стать.

Глава 8: Точка невозврата

Ночь после встречи с Леной была беспокойной. Призрак Сергея, выпущенный на волю, бродил по закоулкам сознания, накладываясь на острые углы сегодняшней реальности. Даниил спал. Он вернулся поздно, сославшись на экстренную консультацию, поцеловал меня в лоб, не глядя в глаза, и через пятнадцать минут уже лежал на спине, его дыхание стало ровным и глубоким.

Я не могла уснуть. Ворочалась, вглядываясь в узор теней на потолке, который проецировала уличная неоновая реклама. Пионы от его «примирительного» букета уже начали осыпаться в вазе, но их удушающе-сладкий запах все ещё витал в спальне, смешиваясь с его парфюмом.

Повернувшись на бок, я уставилась на его профиль, освещённый синеватым светом из окна. В полумраке он казался незнакомцем. Резкая линия скулы, прямой нос — работа его же рук, несколько лет назад он убрал едва заметную горбинку, сказав, что это «нарушает гармонию». Губы были плотно сжаты даже во сне.

Я смотрела на него, этого блистательного, успешного, идеального мужчину, и пыталась вызвать в себе то чувство, которое заставляло сердце замирать десять лет назад. Ничего. Была пустота. И страх.

И тогда это случилось. Он что-то пробормотал во сне,

неразборчивое, и слегка повернул голову. Тень сдвинулась, и свет упал на его лицо иначе.

Исчезла привычная маска уверенности, благородной усталости, снисходительного спокойствия. Исчезло всё, что он так тщательно культивировал. На его лице проступило другое выражение. Холодное. Расчётливое. Почти жестокое. Губы были поджаты в тонкую, недовольную линию, между бровей залегла резкая складка концентрации — но не на решении проблемы, а на её устранении. Это было лицо хирурга не в момент спасения, а в момент холодного, бесстрастного рассечения. Или лицо стратега, безжалостно убирающего с доски ненужную фигуру.

Меня охватил леденящий, животный страх. Это был не мой муж. Это был кто-то другой. Или это и был он — настоящий, а всё остальное — лишь тщательно сконструированная оболочка для мира и для меня.

Сердце забилося так громко, что казалось, разбудит его. Я затаила дыхание, не в силах отвести взгляд. Это выражение длилось, может быть, три секунды. Потом он снова всхрапнул, повернулся на другой бок, и маска вернулась — ослабленные черты, благородный профиль.

Но я уже не могла забыть увиденное. Этот образ врезался в сетчатку, выжженный кислотой паники. *Кто ты? Кто ты на самом деле?*

И тогда, подстегиваемая слепым, иррациональным ужасом, я совершила то, о чём потом буду жалеть и благодарить

себя одновременно.

Медленно, не дыша, я откинула одеяло и сползла с кровати. Ковёр заглушил шаги. Его телефон лежал на его тумбочке, рядом с билетами на Мальдивы, экраном вниз.

Я взяла его. Устройство было холодным и гладким, как орудие преступления. Руки дрожали так, что я боялась уронить его. Я подняла глаза на Даниила. Он спал.

Я знала пароль. Не потому что он говорил. А потому что подсмотрела месяц назад, когда он, разговаривая с кем-то по телефону и глядя в окно, машинально разблокировал его, чтобы проверить календарь. Это была дата — 1805. Восемнадцатое мая. День, когда мы познакомились на той вечеринке на физмате. Он всегда говорил, что это самый важный день в его жизни. Романтично. И глупо, как пароль. Но это был он.

Я ввела цифры: 1-8-0-5.

Экран вспыхнул, разблокировался.

На мгновение меня охватила волна такого стыда и отвращения к себе, что я чуть не положила телефон обратно. Я переступила черту. Я стала тем, кого он презирал: подозрительной, недоверчивой, мелочной истеричкой, роющейся в его личных вещах.

Но тут же в памяти всплыло его холодное, чужое лицо во сне. И голос Вики: *«Иногда идеальная картинка существует, чтобы скрыть трещину в стене».*

Я зажмурилась на секунду, собрав волю. Потом открыла

глаза и начала листать.

Сначала мессенджеры. Телеграм, WhatsApp. Ничего подозрительного в последних диалогах. С коллегами, с матерью, с парой друзей. Сухо, деловито. Со мной — последнее сообщение: «Спокойной ночи, дорогая. Целую». Над ним — моё: «Во сколько планируешь?»

Я открыла галерею. Последние фото — скриншоты медицинских статей, снимки до/после операций (без лиц, только области), несколько наших старых фото с отпуска, которые, видимо, он кому-то скидывал. Всё чисто. Слишком чисто.

Потом я полезла в удалённые файлы. Пусто. Кэш браузера... Он пользовался приватным режимом.

У меня сводило желудок от напряжения. Каждая секунда казалась вечностью. Я уже почти поверила, что я параноик, что Лена своим «что если» всколыхнула во мне ненужные сомнения.

И тогда я открыла приложение «Заметки». Обычное, скучное приложение для списков. Там были списки покупок для клиники, тезисы для выступления, названия книг.

И одна заметка без названия. Датированная позавчерашним днём. Я открыла её.

Там не было текста. Только адрес: Гостиница «Метрополь», Люкс 512. И ниже — странная, вырванная из контекста фраза, будто напоминание самому себе: *«Убедиться, что С. будет на годовщине. Ключевое свидетельство. Нужно его лояльность или компромат. Разобраться».*

Кровь отхлынула от лица. В ушах зазвенело. Я перечитала заметку раз, другой, третий. «С.»? Сергей? Свидетельство? Компромат? Лояльность?

Куски мозаики, до этого лежавшие в беспорядке, с грохотом начали складываться в чудовищную, невероятную картинку. Номер 512. Подарок для «спонсорши». Свидетель на свадьбе. Годовщина, которую он так настаивал отметить с размахом.

Он что-то планировал. Что-то, где Сергей был ключевой фигурой. И где я была... кем? Целью? Препятствием?

Рука сама потянулась сделать скриншот. Я едва нашла нужные кнопки, палец скользил по вспотевшему стеклу. Скриншот был сделан. Я быстро сбросила заметку в избранное, чтобы найти её потом легче, и вышла из приложения.

Нужно было убрать телефон. Сейчас. Прямо сейчас.

Я положила его обратно на тумбочку, точно в то же место, экраном вниз. Отступила на шаг. Даниил пошевелился, кряхнул, но не проснулся.

Я вернулась в кровать, забралась под одеяло и повернулась к нему спиной. Тело била крупная дрожь, как в лихорадке. Я сжала зубы, чтобы они не стучали.

Точка невозврата была пройдена. Я не просто подозревала. Я знала. Что-то тёмное, сложное и опасное плелось вокруг меня. И мой муж, человек, которому я дала клятву верности, был в центре этой паутины.

Я больше не была обманутой женой. Я была шпионом в

собственном доме. И самое страшное было не в том, что я это сделала. А в том, что я не чувствовала ни капли раскаяния. Только леденящий ужас и ясность, острая, как осколок стекла.

В темноте я уставилась в стену, повторяя про себя, как мантру, адрес и загадочную фразу: «Метрополь, 512. Свидетельство. Компромат. Лояльность».

Ночь перестала быть просто ночью. Она стала точкой отсчёта. Отсюда начиналась война.

Глава 9: Тень гостиницы «Метрополь»

Трекер. Он лежал в ящике два дня, молчаливый и давящий. Я открывала ящик, смотрел

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.